

Алия НАСЫРОВА

Карагандинский государственный медицинский университет

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КАЗАХСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНА

Functioning Kazakh lexical units in the Russian speech of the residents of Kazakhstan

Ключевые слова: билингвизм, билингв, казахский язык, русский язык, лексическая единица, интерференция, типы интерференции

KEYWORDS: bilingualism, bilingual, Russian language, Kazakh language, lexical unit, interference, the types of interference

ABSTRACT: The article is devoted to the problems of bilingualism in the modern society. Bilingualism is characteristic of all the citizens of Kazakhstan. The main feature of bilingualism in our country is the quite wide application of the Russian language in all spheres of life. The changing language situation leads to the fact that a large number of Kazakh words are included into the Russian language, and assimilated by it to a varying degree. The author has analyzed the cases of the use of Kazakh lexical units in Russian texts.

1.

Социально-коммуникативная система полиэтнического общества в современном Казахстане представляет собой сложное сплетение разных языков и их подсистем. Неизбежным в этих условиях является билингвизм как необходимое средство взаимопонимания, преодоления языкового барьера. Ситуации двуязычия подвижны, они меняются. Поэтому в квалификации двуязычия приходится учитывать географическую среду, уровень образования, социальную среду. Компонентом любого вида билингвизма является общенародный язык, реализация которого зависит от степени владения им.

Владение языком – это умение производить и понимать (воспринимать) тексты на данном языке, способность к варьированию языковых средств. Одна из форм реализации языка-архисистемы – неисконная речь, т.е. речь носителей языка, для которых он не является родным (первичным) (Гуманян 1995, 299–313). Ее отличает влияние чужого языка, чужой культуры. Неисконная речь

может быть как нормативной, так и ненормативной. Причиной неисконной речи служит двуязычие. Двуязычие мы рассматриваем как умение, навык, позволяющие человеку, народу в целом или его части попеременно пользоваться (письменно или устно) двумя разными языками в зависимости от ситуации и добиваться взаимного понимания в процессе общения. Для значительной части казахского населения двуязычие сохраняется и в наше время. Особенность билингвизма казахов заключается в том, что вторым компонентом ситуации двуязычия является функционально мощный русский язык. Поскольку русский язык широко используется в коммуникативном пространстве Казахстана, билингв часто оказывается в ситуациях разноязычного общения. Однако степень вхождения билингва в группу говорящих на Я2 (втором для билингва языке) может быть различной. Как считают специалисты,

отношения казахского и русского языков, имеющих в общем сопоставимые функции в современном казахском социуме, можно описывать как отношения конкуренции. Если функционирование русского языка характеризуется стремлением сохранить сферы своего использования в казахстанском коммуникативном пространстве, то функционирование казахского языка отличает тенденция к максимальному расширению сферы его применения (Казкенова/Жиренов 2015, 144).

2.

Мы попытаемся рассмотреть специфику сосуществования языковых единиц двух разных языков в речевой ткани высказываний, текстов. Как известно, живая языковая среда является доминирующим фактором при освоении языка.

Достижение полного взаимопонимания в данном случае возможно при соблюдении норм внутрикультурного диалога. В речевом общении представителей разных этносов особенно важным является выбор языка общения. В последнее время наблюдается стремление русских к общению на казахском языке, к включению казахских слов в свою речь.

Речевое поведение билингва – это выбор того или иного языка при общении, а также кодовое переключение, под которым понимается смена участниками коммуникации одного языка другим в пределах одного коммуникативного акта. О переключении кодов говорил еще У. Вайнрайх. По его утверждению, «языки А и В могут употребляться попеременно, в зависимости от требований обстановки; тогда мы говорим о переключении с языка А на язык В и обратно» (Вайнрайх 1972, 31).

Сопоставительный анализ речевого поведения билингвов предполагает выявление и описание включенных в тексты, написанные на одном языке,

элементов второго языка (морфем, лексем, словосочетаний, предложений), которые называют вкраплениями. В сознании билингва совмещаются два языка, и для него естественным является использование языковых единиц двух языков, что может даже привести к смешению языков.

Как считает Г. М. Бадагулова, «участниками коммуникативного процесса могут выступать: 1) монолингв – билингв с доминирующим русским языком; 2) монолингв – билингв с доминирующим казахским языком; 3) билингвы (у обоих доминирует русский язык); 4) билингв с доминирующим казахским языком – билингв с доминирующим русским языком» (Бадагулова 2011, 48).

Двуязычие функционирует в разных сферах: естественные контакты языков происходят в обиходно-бытовой сфере, где используется разговорная форма и просторечие, в сферах образования и официально-делового контактируют литературные формы общенародных языков (соответствующие стили). Иначе говоря, контактируют не просто языки, а определенные их подсистемы. Потому к ошибкам системным добавляются диглосные. Так, например, формируется билингвистическое просторечие. По мнению Д. Шайбаковой,

на системе русского языка влияние казахского сказывается в том, что появляются новые лексические парадигмы, [...] словообразовательные модели, синтагмы, в фонетике – иные интонации. Но в первую очередь специфику русского языка в регионе определяют коммуникативно-прагматические нормы (2016, 258).

В русскую речь входят единицы казахского языка разной степени освоенности, как безэквивалентные, так и эквивалентные. Такие слова можно распределить на следующие группы – это лексические единицы, связанные с праздниками (*наурыз, той, курбан айт*), с обычаями и обрядами (*туссау кесу, аластау, шильдехана, бет ашар*), с национальными блюдами (*курт, айран, кумыс, коже*), с национальной одеждой (*саукеле, кимешек, камзол*), с национальными играми (*алтыбакан, асык, тогызкумалак*), с религией (*намаз, коран, суре*), с другими предметами (*шанырак, тундик, туырлык*), с музыкой (*домбра, кюй, айттыс, акын*), с политикой (*аким, мажилис, маслихат*), с родственными отношениями (*женге, ата, баур*), с животными (*тулпар, бура, атан*), с растениями (*саксаул, жусан, адыраспан*).

Прежде всего возникает вопрос о статусе данных лексических единиц. В статье «О некоторых тенденциях влияния казахского языка на русский язык в Казахстане» Н. Н. Чайковская и Л. П. Осенмук (2009) называют заимствованные единицы казахизмами. Е. А. Журавлёва (2009) называет лексические единицы казахского языка регионализмами. На наш взгляд, термин *казахизмы* более точно выражает суть подобного рода лексических единиц.

В нашем понимании, статус казахских единиц в билингвистическом тексте имеют казахизмы, которые не зафиксированы в толковых словарях

русского языка, не освоены русским языком. Повышенное внимание к слову как характерная черта двуязычных индивидов отмечалось еще Л. В. Щербой: «Соприкосновение одного языка с другим на почве сравнений, – как одна и та же мысль в разных языках по-разному выражена, – естественным образом останавливает на средствах выражения и делает человека внимательным к тонким нюансам мысли и чувства. Это делает его, естественно, более восприимчивым к анализу и восприятию слова, произносимого и читаемого» (Щерба 1957, 53).

Речевое поведение билингва – это выбор того или иного языка при общении, а также кодовое переключение, под которым понимается смена участниками коммуникации одного языка другим в пределах одного коммуникативного акта. Сопоставительный анализ речевого поведения билингвов предполагает выявление и описание включенных в тексты, написанные на одном языке, элементов второго языка (морфем, лексем, словосочетаний, предложений), которые называют вкраплениями.

В сознании билингва совмещаются два языка, и для него естественным является использование языковых единиц двух языков, что может даже привести к смешению языков.

А. Е. Карлинский (2011, 38–55) различает два типа речевых проявлений языковых контактов: интерференцию (влияние первого языка на второй) и интеркаляцию – воздействие второго языка на первый. Влияние, затрагивающее саму систему языка, квалифицируется как трансференция и транскаляция. Интерференция и интеркаляция представляют собой речевую мутацию, трансференция и транскаляция – следствие языкового взаимодействия – языковую диффузию.

Двуязычие – это феномен взаимодействия языков, следовательно, оно характеризуется взаимным влиянием обоих контактирующих языков. Если в речи билингва отмечается влияние первого языка на второй, мы имеем дело с интерференцией. Но обратное влияние второго языка на первый представляет собой интеркаляцию. Существует ряд отличительных признаков интеркаляции:

1. интеркаляция состоит в использовании элементов Я2 при наличии эквивалентов в родном языке. Интерференция же является следствием различий между языками;

2. интеркаляция может контролироваться билингвом, в отличие от интерференции, которая не поддается контролю;

3. если интерференция отмечается при комбинированном билингвизме, то интеркаляция – при соотнесенном;

4. интеркаляция – это вклинивание в речь на Я2 двусторонних, значимых единиц (от морфем до фраз), тогда как при интерференции нарушение норм

наблюдается на всех уровнях – уровнях значимых и незначимых единиц (Карлинский 2011, 38–55).

Нас прежде всего интересуют явления взаимодействия языковых единиц в речи, которые, следуя за Карлинским, мы тоже называем интеркаляцией. В классификации типов интеркаляции Карлинский считает существенными два признака: вклинивание слов или единиц, больших, чем слово – сочетаний слов; изменение или сохранение характеристик языка-источника, т.е. наличие или отсутствие интерферирующего влияния на единицы Я2. По этим признакам он различает четыре типа:

1. инвентарная интеркаляция – включение в речь на Я1 отдельных слов Я2: *Может, бүгін кешке киноға барсақ қайтеді, егер свободный болсаң;*

2. фразовая интеркаляция – вклинивание в речь на Я1 синтагм – от словосочетания до предложения: *А у вас колбаса бар ма? – А у вас есть колбаса?;*

3. чистая интеркаляция – вклинивание единиц Я2, не подвергшихся интерферирующему влиянию Я1 (все приведенные выше примеры);

4. модифицированная интеркаляция – включение единиц Я2, подвергшихся воздействию интерференции. Например: – *Сәлем! Қалың қалай? – Нормальный, пойдет. Өзіңде?* Таким образом, в квалификации интеркаляции обращается внимание на степень вторжения элементов второго языка и на чистоту воспроизведения единиц Я2. На основании этого можно судить о значимости Я2 для билингва.

На данный момент влияние казахской культуры, роль казахского языка весьма значительны в духовной и общественной жизни носителей русского языка. Помимо общеупотребительных тюркизмов, в постоянный речевой обиход русского человека вошли такие обращения, как *апа, ата, карындас, кызым, келин, бажа*; лексика речевого этикета: *салем, салеметсізбе, рахмет, бұйырса, ептеп-септеп*. Много ономастических единиц, гидронимов (*Балхаш, Арыс*), топонимов (*Тараз, Шымкент*), главным образом антропонимов (*Курмангазы, Абай, Бухар-жырау, Казыбек би*) вошло в русский язык.

Как отмечают многие исследователи, отличие новых казахизмов, которые включаются в устную и письменную речь, носит функциональный характер. В настоящее время они активно включаются в тексты документов и публичную речь.

Лексическо-фразеологические вкрапления относятся прежде всего к сфере лингвокультурной номинации. Интеркалированная лексика в русском языке подвергается соответствующей словообразовательной адаптации, т.е. начинает формировать определенные словообразовательные ряды: от слов *апа, әже, ата, балдыз* с помощью суффикса *-к-, -шк-* образованы *әже-ка, балдызка, апашка*, от слова *кумыс* – *кумысолечение, кумысный*, от слова *арык* образовано прилагательное *арычный*, от слова *бешбармак* образован глагол *побешбармачить*. Есть и отвлеченные существительные, образованные

с помощью суффикса *-ств-*: *токал – токалство* (часто «*токалство*» – лишь желание обеспечить себе безбедное будущее). Слово *аким* образует целый словообразовательный ряд: *аким – акимат – акиматчик – акиматовский*. Ср. также *адаец, адаевец, найманка, каракесечка* (*адай, найман, каракесек* – названия казахских родов), *бишарашка, женгешка*. Хотелось бы отметить, что довольно часто употребление слов с оценочными суффиксами *-к-, -шк-, -ух-* (*келинка, тиынки, куйеу балашка, бажуха*). Конечно, данные варианты характерны для разговорной речи.

Возможно и обратное явление, когда казахские слова функционируют в русских текстах в исходной форме: «*Знак «Алтын белгі» получили более 1200 выпускников школ*»; «АО «*Национальная компания «Қазақстан темір жолы» объявила о запуске нового современного поезда по направлению «Астана – Шымкент»*. Кроме того противоречит правилам русской орфографии написание таких слов, как *Шынар, Шырын, жырау*.

Вместе с тем мы можем наблюдать, что казахские заимствования подчиняются и морфологической адаптации: *қатық, шужық, тенге, тиын*. Ср.: с какой-то *шильдеханы, ходили на узату, сколько тиынов; налажено производство молочных продуктов: кумыса, катыка, айрана; что ждет владельцев тенговых депозитов?*

«Не получая ни *тиына* от государства, мы сами, собственными силами только в прошлом году привлекли инвестиций на сумму более 30 миллионов *тенге*».

В текстах газетных публикаций широко представлены инвентарные интеркаляции, обозначающие казахские бытовые реалии или культурные понятия, которые, как правило, не переводятся: «*Суюнши – всегда хорошие новости!*»

Среди казахских инвентарных интеркаляций наиболее распространены номинативные, например, *байбише, тоқал, суюнши, чапан, талкан* (голоконо), *тары, айран, сыбызгы, кюй, тундық* (верхний деревянный круг остова юрты), что связано с диалогом русской и казахской культуры.

Среди бинарных вставок наиболее распространены устойчивые выражения, фразеологизмы. Ср.: «*Был произведен обряд неке кию, а свидетелями выступили мать и брат Нуржана*». «*Лейтенант милиции Нурлан Омаров, принявший роды у своей жены во время поездки в роддом, отпраздновал бесік той своего сына*».

Такие бинарные вставки чаще всего используются для обозначения специфических для казахского быта явлений, ритуальных понятий. Употребление подобного рода устойчивых оборотов и выражений объясняется тем, что выбор казахской лексики связан с влиянием казахской культуры на специфику жизни, мировоззрения и поведения русскоязычных журналистов.

Иногда в публицистических материалах можно встретить явления фразовой интеркаляции, то есть вклинивания в текст на одном языке цельюо-

формленных сегментов на другом языке. «Каждый казах должен знать своих предков, своих *жеті ата*. Если же он этого не знал, старики презрительно говорили: «Жеті атасын білмеген, жетесіз» (Не знающий семи поколений предков – бездуховный).

3.

Залогом гармонического существования современного казахстанского социума должно стоять стремление к максимально возможному культурному билингвизму, более доступному сегодня казахам, но не русским. Однако, как показывают наблюдения последних лет, все больше казахских лексических единиц проникают в русскую речь не только устную, но и письменную. Они подвергаются фонетическому, морфологическому освоению русским языком, переходя из пласта экзотической лексики в состав общенародной лексики. Данные единицы влияют не только на речь русскоязычных носителей языка, но и становятся инструментом корректировки ментальных черт этносов. На сегодняшний момент русский язык демонстрирует открытость к включению в свой состав казахских заимствований. Казахский язык проявляет все большую активность, что выражается в освоении казахских лексем не только в разговорной речи, но и в письменной речи. Билингвизм становится прерогативой не только казахов, но и представители русского этноса становятся все более билингвальными.

Библиография

- Бадагулова, Г. М. (2011), Коммуникативная модель культурного общения и билингвизма (на материале русского языка Казахстана). В: Болгарская русистика. 4, 46–61.
- Вайнрайх, У. (1972), Одноязычие и многоязычие. В: Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. Москва, 25–60.
- Журавлева, Е. А. (2009), К проблеме национальной вариативности языков: особенности развития русского языка в Казахстане. В: ЕвроАзия. Постсоветское пространство. Евразийская идея в XXI веке: новый вектор развития. Вып. 4. Москва, 69–79.
- Казкенова, А./Жиренов, С. (2015), Самостоятельное развитие и взаимное влияние казахского и русского языков в Республике Казахстан. В: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VI/2, 143–152.
- Карлинский, А. Е. (2011), Взаимодействие языков: билингвизм и языковые контакты. Алматы.
- Туманян, Э. Г. (1995), О методе изучения языка как социолингвистической архисистемы. В: Методы социолингвистических исследований. Москва, 299–313.
- Чайковская, Н. Н./Осенмук, Л. П. (2009), О некоторых тенденциях влияния казахского языка на русский язык в Казахстане. В: Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контекста Евразии. Астана, 153–157.
- Шайбакова Д. (2016), Является ли русский язык плюрицентрическим? W: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VII/2, 257–268.
- Щерба, Л. В. (1957), Избранные работы по русскому языку. Москва.

